

Л и т е р а т у р н а я А р м е н и я

Литературно-художественный
и общественно-политический
журнал Союза писателей Армении

Մաշինարանի գրողների միության
գրական-գեղարվեստական
և հասարակական-քաղաքական հանդես

Основан в декабре 1958 года

Журнал издается при содействии государства

№1 2013

Â íîì àðà:

İ ðîçà, îîýçèÿ

- Թոճաթի Ի արծաթի.** Огненный конь. Повесть. *Ի արծաթի ă*
Ăæ.İ èðçîÿıı..... 3
- Օտի ար Ի արձանի.** Из книги “Симфония бытия”. Стихи.
İ արծաթի ă Ā.İ արձանի ăÿıă..... 26
- Մասնա Անի.** Из цикла “Берег детства”. Рассказы..... 31
- Անի Անի.** Армения. Стихи..... 43
- Ողբերգական Անի.** Непогребенные косточки осла. Вардуш-
памятник. Долгое прощание. Рассказы. *İ արծաթի ă Ī. Անի ıı.....* 48
- Անի Անի.** Из книги “Ничего (или почти)”. Стихи. *İ արծաթի ă*
ñ õðàı õóçêııă Ā. Õıı -èÿıı..... 58
- Անի ար Նախագահ.** Толян. Рассказ..... 62
- İ արծաթեղ ă ăăıı ðèÿıı.** Абрикосовый иней. Стихи..... 73

İ -ăðè, îóăèèèèèèèè

- Èèèèè Անի ăıı ıı.** Записки из страны абсурда. *İ արծաթի ă*
È.İ ăðèäÿıı..... 79
- Èèèèè ăăăıı ðèÿıı.** Нет – духовному изгнанию! *İ արծաթի ă*
Ă.İ ăõðııÿıı..... 94

Անսահման Երկրներ . Существовательная литература. <i>Ի անսահման</i> <i>Ե.Ի անսահման</i>	126
Ի սրբեր Մանուկներ . Маленькая родина. Эссе.....	133
Արած Անուն . Армяне. <i>Ի անսահման և անսահմաններ Ա.Օսանյան</i>	146
Ի սրբեր Անուններ և Երկրներ . Формула патриотизма.....	156

Ի սրբեր

Օսանյան Երկրներ . Привет мой вам, синьоры! Несколько картин из жизни мастера. “Потерпи”	162
---	-----

За сотрудничество и помощь в издании журнала
редакция благодарит
фонд регионального развития
и конкурентоспособности “**ԱԿՏ**”

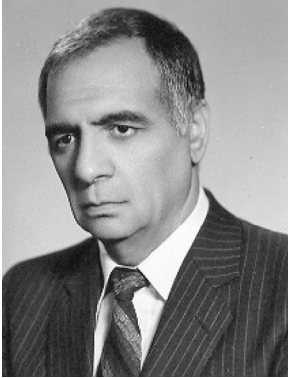
ՏՎԱԿԱՆՆԵՐ

Альберт Налбандян, *անսահման և անսահմաններ*
Сергей Мурадян, *սրբեր և անսահմաններ անսահմաններ*
Жанна Шахназарян, *անսահման և անսահմաններ*
Ирина Маркарян, *անսահման և անսահմաններ և անսահմաններ*

ՏՎԱԿԱՆՆԵՐ Ի Ի ԱՅ ԵՆ ԵՆԱԿԱՆ

Тигран Акопян, Левон Ананян, Андрей Битов,
Маргарита Геворкян, Наталия Гончар, Григор Джаникян,
Магда Джанполадян, Давид Мурадян, Карине Ходикян

— " і ЕО̄ А̄з—" ' фІО̄

Ї дїçаеє, а̀д̀а̀і̀ а̀òòд̀а̀, д̀а̀æ̀ѐññад̀, і̀ д̀і̀òáññі̀ð
А̀д̀а̀ááíñеíáí а̀ññóáаđñòááíííáí еíñòеòò-
òà òáàòд̀а̀ è еєíí. Д̀і̀äèëñŷ á 1934 á. á
А̀д̀а̀ááíá. Ї еíí +еє òóáíæáñòááííí-òáàò-
д̀а̀еüíúе еíñòеòòò. А̀а̀òíð д̀а̀ññеаçíá è
ííááñòáе, á òíí +еñеá æеŷ рííòáñòáá,
íáд̀а̀ááááííúò íá д̀òññееє, áíäеèеñееє,
òд̀а̀íòóçñееє, ѐòáеüŷíñееє, ííëüñееє, íá-
í áóееє è äд̀óáеá ŷçúее. Ááí íüáññú ñòááе-
еèññí áí í ííáеò òáàòд̀а̀ò еáе á Ад̀í áíее,
òáе è çà д̀òááæíí .

ГЕГ̄О̄ЕО̄О̄ æ... КЕО̄<

Ї äðááäëà Äæàì í à Ї èдçîŷí

— Пятю пять — двадцать пять, пятю шесть — тридцать, пятю семь — тридцать пять... Ба, и в ваше время пятю пять было двадцать пять?

— Какое тебе дело до моего времени, ты лучше урок свой учи, чтобы не схлопотать по шее.

— Пятю восемь — сорок, пятю девять... Ба, а если я взлечу с одиннадцатого этажа, как по-твоему, упаду вниз или полечу в Космос?..

— Да в тебе и веса никакого, чтоб упасть. Тебя, как пушинку, ветром унесет.

— Ба, а в ваше время люди летали в Космос?

— Будь оно проклято, наше время! В наше время не было Космоса.

— А что было?

- Осел, лошадь, телега, тони́р*, вол...
- А у Пифагора в ваше время были штаны?
- Ну чего тебе надо, умник?
- Коня хочу.
- Это чтоб он двойки твои тащил домой?
- Нет, чтоб сесть на него и ускакать в горы.
- Век лошадей минул.
- Ба, а у вас был конь?
- Был... – вздохнула бабка.
- Как его звали?
- Огненный.
- И что с ним случилось?
- Свихнулся.
- Это конь-то?
- Ну да, в ущелье бросился со скалы...
- Это почему же?

– Запрягли его таскать навоз на скрипучей телеге – вот и бросился от обиды в ущелье. Сдох. Шкуру раздали пастухам, чтоб они себе лапти справили.

Деревня, откуда была бабка родом, уютилась между складок Белой горы. Держали они коров, овец, коз, буйвола... Был и тони́р. Хлебом, что пекла ее мать, кормились всем миром.

Был у них и конь. Рассвет он встречал веселым ржанием, трудился весь день: таскал на себе траву, сено, дрова, муку с мельницы, с гумна пшеницу...

Отца бабушки сослали в Сибирь за песню о полководце Андранике, что спел он на свадьбе Варсеник – дочери ее дяди. Коня конфисковали, оставшихся без отца сирот объявили детьми врага народа. Чтобы как-то уцелеть, им пришлось бросить все свое имущество и спастись бегством в город. Поселились они в одном из старых городских кварталов. Спустя время старые дома снесли, и на его месте вырос одиннадцатизэтажный дом. Они получили квартиру в этом доме на одиннадцатом этаже. И с самого своего рождения Армен живет на одиннадцатом этаже. И нет у них теперь ни коня, ни коровы, ни сада, ни тони́ра...

* Тони́р – печь, сооруженная в земле.

Армен хочет иметь коня. Удивительное создание человек! Иногда душе его хочется такого, что он и сам не объяснит, и, когда желания его не исполняются, он заболевает.

Так случилось и с Арменом. Он худел день ото дня, потерял аппетит. Обеспокоенные родители водили его по врачам. Врачи были единодушны:

- Дайте своему ребенку то, что он хочет.
- Коня он хочет.
- Коня?.. – смеялись врачи.

Среди бабкиной родни был родственник по имени-фамилии Зарзанд Утиджян. Жил он в деревне и каждую осень привозил бабке тыкву, баклажанное варенье и несколько пучков авелука*.

У Зарзанда Утиджяна имелась лошадь. Бывая в гостях у бабки, он не уставал с восхищением рассказывать о ней, и каждый раз восторженный его рассказ завершался тяжелым вздохом. Бабка увещевала его:

- Будет тебе ахать да охать, Зарзанд, так недолго и заболеть.
- Да ведь мой конь, тетушка, он как член семьи. Жаль, постарел больно – вот о чем я тужу.
- Дядя Зарзанд, а ваш конь ржет? – вступал в разговор Армен, который внимательно слушал рассказ Зарзанда.

– Не так, как прежде, но ржет. Вот потеплеют дни, приеду возьму тебя к нам в деревню. И коня своими глазами увидишь, и ржание его услышишь. Он очень умный и красивый... Тетушка, я и в следующий раз, когда наведаюсь в город, тыкву тебе привезу. А ты, Армен джан, готовься: вместе поедем в деревню...

...День и ночь, испуская дым, с оглушительным шумом несутся по улицам города потоки машин. Автомобили Армен не любит. Ему грезится лошадь, он хочет иметь коня. На прошлой неделе по телевизору показывали лошадей. Это были арабские скакуны. Развевая на ветру гривы, они мчались по зеленым полям, взвивались на дыбы, неистово и дико ржали. Армен приметил одного рысака. Это был красивый, горделивой стати конь. Поднявшись на дыбы и заржав, он понесся во весь опор и исчез, слился с желтым песком пустыни.

* Авелук – конский щавель.

Телеведущий, вздохнув на манер Зарзанда Утиджяна, сказал:

– Лошадей в мире становится все меньше и меньше, и, если человек будет по-прежнему бездумно обращаться с ними, они исчезнут с лица земли.

Отец Армена, Гайк Арменакович, подарил сыну книгу с фотографиями лошадей. Армен целыми днями листал ее, надеясь найти фото лошади, о которой он мечтал. Увы, ни одна из них ему не понравилась. Что-то искусственное чудилось в них. Вздохнув, он отложил книгу в сторону.

– О чем вздыхаешь? – спросил отец.

– Хочу коня, папа.

– Другие мальчики хотят машину, а ты коня? Не понимаю я тебя.

– И я не понимаю, – возмутилась мать. – Армен, сынок, нам лошадь не нужна.

– Вам не нужна, а мне нужна! Коня хочу...

– Не знаю, что и сказать... Удивительные нынче времена пошли, удивительные дети...

Больше о лошадях Армен не заговаривал с родителями. К чему? Все равно они не понимали его.

Шло время, день ото дня желание иметь коня становилось все сильнее.

Однажды утром, когда Армен собирался в школу, кто-то постучался к ним в дверь. Он пошел открывать. На пороге стоял Зарзанд Утиджян.

– Обезьяны, уроды, лишенные совести мерзавцы! Всех, всех до единого сварю в бочке с кипящим мазутом! – возмущенно выкрикнул Зарзанд Утиджян.

– Что? Что случилось? – выскочила из кухни бабка и встала перед Зарзандом. – Умер кто? Или дома что не так?..

– Никто не умер, да и дома все в порядке.

– Что же ты так раскипятился?

– Забрали.

– Что забрали? Кого забрали?

– Коня.

– Кто забрал?

– Сельский староста.

– Зачем?

– Говорит, улицы пачкает. Да разве ж конь понимает, что нельзя гадить на улице?

– И когда это случилось? – спросила бабка.

– Вчера вечером.

– Ну а ты-то где был? Как ты позволил такое?

– Не позволил бы, будь я дома. Говорят, он еще и в рассуждения пустился, мол, зря только траву переводит. Спросил бы кто этого болвана: “Он что, твою долю травы жрет, что ли?”. Если вдуматься, с ума можно спятить. Вроде бы получили свободу, независимость. Да разве ж бывает такая свобода... Что, Гайк Арменакович дома?

– Нет его. Проходи, присядь. Кофе попей, расслабься, а я тем временем Гайку позвоню.

– Я не один, тетя. Со мной Ксенефон Элефтерадис, тракторист наш.

– На улице его оставил? И не совестно тебе? Сходи за ним.

– Я сейчас...

– Ох-хо-хо, да что же это с нами происходит? Или люди у нас перевелись, чтобы осадить этого негодяя, дескать, тебе-то что за дело, кто какую скотину держит у себя во дворе.

Гремя посудой, бабка принялась готовить любимое блюдо своего племянника, плов из итальянских макарон.

– Входи, Ксенефон, не стесняйся! Это же моя родная тетя, – подталкивая друга, приговаривал Зарзанд.

В передней возник высоченный с синими глазами на загорелом лице мужчина, придерживая левой рукой водруженную на голове желтоватую тыкву.

– Добро пожаловать, Ксенефон, – бабка с улыбкой протянула ему руку.

– Ксенефон Элефтерадис, – осклабился Ксенефон, заключив бабкину руку в свою большую ладонь. – Добра этому дому, – сказал и остался стоять на месте.

– Спасибо, Ксенефон.

– И вам спасибо, – снова улыбнулся Ксенефон Элефтерадис, не двигаясь с места.

– Тыкву положи на пол, Ксенефон, не то голова разболится, – сказала бабка.

– Так нас доняли, тетушка, что уже не соображаю, что делаю. За воду платим, за сено платим, за то, что овцы нашу травку щиплют, платим. Глядишь, скоро и за воздух, которым дышим, платить заставят. А коли так, то что им за дело, какую мы держим животину? Или мы сами себе не хозяева, или не свободны мы? – печально вопрошал Ксенефон Элефтерадис.

– Лошадь, тетушка, благородное животное. Ее нельзя обижать, с ней нельзя грубо обращаться. В Древней Греции...

– Ксенефон, голова у тебя разболится, положи тыкву на пол...

– Я вконец голову от злости потерял, – глубоко вздохнув, сказал Ксенефон и осторожно положил тыкву под стол.

– Ксенефон!

– Да, тетушка...

– Скажи-ка, Ксенефон, а на что тебе лошадь? Ты ведь тракторист?

– Как это на что? Лошадь, она не просит ни солярки, ни масла, да и дыма нет от нее. В Древней Греции казнили за непочтительное отношение к лошадям, устанавливали в их честь мраморные памятники. А в Древнем Риме один из сенаторов сделал членом сената своего коня...

– Ксенефон, тетушка, знает назубок все законы о лошадях. Поэтому я и взял его с собой. Чтобы он говорил с этими... на языке закона, – сказал Зарзанд Утиджян.

– Дядя Зарзанд, а куда увели вашего коня? – спросил Армен.

– В зоопарк, Армен джан.

– Почему?

– Чтоб забить, а мясо отдать на корм зверям... Ах-ах-ах, мой бедный конь, – сокрушался Зарзанд Утиджян.

– Успокойся, Зарзанд, я уже переговорила с Гайком. Сядьте поешьте, – сказала бабка, поставив в середину стола большой китайский поднос с дымящимся пловом. – Ешьте, пока горячий, после пойдете к Гайку.

– Ксенефон, сядь, мы поедим по-быстрому и отправимся. – Зарзанд наполнил до краев тарелку друга.

– О, вот это плов так плов! – причмокивая и глотая слюну, сказал Ксенефон и чуть ли не погрузился носом в тарелку. – Я впервые ем такой вкусный, ароматный плов.

– Только женщинам нашего рода известна тайна приготовления настоящего плова, – похвастался Зарзанд Утиджян.

– Ешьте на здоровье! – сказала бабка, польщенная похвалой.

Быстро поев, они встали из-за стола.

– За доброту вашу Бог воздаст вам сторицей, – благодарно улыбнулся Ксенефон Элефтерадис.

– Гайк ждет вас, – сказала бабка.

Зарзанд Утиджян и Ксенефон Элефтерадис ушли и в этот день больше не появились.

Поздно вечером Армен вошел в спальню к бабушке и спросил:

– Ба, значит, звери сейчас жрут мясо Зарзандовой лошади?

– Нет, чтоб им пусто было!

– А откуда ты знаешь?

– Если бы они лошадь не забрали, то вернулись бы к нам...

Таковы люди... В тяжкие времена вспоминают о родне, в хорошие – забывают... Ступай к себе, спать пора.

Армен пытался уснуть, но не мог. Стоило ему закрыть глаза, как перед ним возникала лошадь Зарзанда Утиджяна в окружении разрывающих ее на части львов, тигров и волков. Открывал глаза – звери исчезали...

Утром родители, увидев побледневшее лицо Армена с красными от бессонницы глазами, переполошились.

– Армен джан, сынок, – сказал ему отец, – хочешь, куплю тебе собаку – доберман-пинчера?

– Не хочу собаку.

– Тогда, может, кота? Ванского, с глазами разного цвета? – сказала мать.

– Не хочу я кота.

– А что ты хочешь?

– Коня.

– Коня... – задумчиво проговорил отец. – В воскресенье мы с тобой пойдем в цирк. Там будут выступать арабские скакуны. Ты выберешь для себя самого лучшего жеребца. А после подумаем, как мы приведем его домой, поднимем на одиннадцатый этаж, где будем его держать и чем будем кормить. – С этими словами отец вручил Армену билеты, поцеловал его и ушел на работу.

...Цирк и лошадки. Армену вдруг припомнились слова из детского стишка: "...белокрылые лошадки, вы летите без оглядки".

И вот сейчас на арене цирка эти лошадки резвились, скакали, прыгали через заграждения, кривлялись, танцевали. Клоун с красным носом, повиснув у них на хвосте, садился им на круп, обнимал за шею, хохотал...

Все бы еще ничего, в цирке и не такое бывает. Но что после началось!.. Стройная девушка в сияющем блесками купальнике взмахом кнута заставляла лошадок кувыркаться, кланяться, становиться, на манер зайцев, на задние лапы. Они подчинялись ей ради куска сахара... Бедные животные! Это ж надо так унижать их...

Армену до слез стало жалко цирковых лошадок.

На обратном пути домой ни отец, ни сын не проронили ни слова. Обоим было грустно. В этом мире что-то было не так, как надо.

После похода в цирк Армен о лошадях больше не заговаривал ни с родителями, ни с бабушкой, пока не наступили полные щедрого солнечного света летние дни. В одно такое яркое утро в дверях их дома появился Зарзанд Утиджян и с традиционным своим приветствием обратился к бабке:

— Да благословит Господь твой дом, да приумножит он твои блага и дарует тебе долгих лет жизни, тетушка!

— Как дела, что еще случилось, Зарзанд? — спросила бабка.

— Я приехал за Арменом. Заберу его к нам в деревню. Хочу, чтоб наши дети познакомились, узнали поближе друг друга, породнились, подружались. Ведь самое главное в этой жизни, чтоб рядом всегда был близкий, родной тебе человек. Пусть наши дети любят и уважают друг друга, как я люблю и уважаю тебя, как Гайк любит и уважает меня.

— И тебе долгих лет, Зарзанд джан. Как много хорошего ты мне пожелал!.. Армен, Армен! — позвала она.

— Что, бабуль? — встал перед ней Армен и, увидев Зарзанда, сказал: — Добрый день, дядюшка.

— Армен, хочешь с Зарзандом поехать в деревню?

— Конечно хочу... А конь, ваш конь, дядя Зарзанд, он есть еще?

– И конь есть, и коровы, и ульи. Живем мы в полном достатке, есть все, чего твоя душа пожелает, слава богу...

– Да-да! Едем! Едем! – радостно воскликнул Армен, потому что впервые в жизни он должен был путешествовать без родителей и бабки и жить без их постоянной опеки.

Бабка уложила одежду Армена в маленький чемодан, не забыв и теплые носки, и наказала внуку вести себя хорошо, не пить холодную воду, не лазить на деревья, не садиться на лошадь.

– С лошади недолго и упасть, руки-ноги себе сломать...

– Нет-нет, ба, я буду вести себя хорошо, и на лошадь не буду садиться, – заверил он бабку, чмокнул ее в щеку и отправился с Зарзандом Утиджяном в путь.

...Деревня располагалась в расщелине горы, напротив стелилась зеленая скатерть луговины, по ней бежала говорливая речка. На ее берегу пасся красновато-рыжий конь.

– Вон он, мой Огненный, – указывая на коня на длинной привязи, – сказал Зарзанд. – Я его как-нибудь оседлаю, поездишь по горам... Эгей, Огненный, здравствуй! – крикнул он.

Конь, узнав голос Зарзанда, повел ушами, встряхнул гривой и заржал.

– Слыхал, как он заржал? Очень умный конь. Бывает, так посмотрит на меня, будто что-то хочет сказать и не может...

Армен смотрел на лошадь... Нет, не о таком коне мечтал он бессонными ночами. На лугу, низко свесив голову, паслась старая, изможденная, усталая лошадь.

Они добрались до дома.

Не успел Армен переступить порог, как оказался в объятиях краснощеких, улыбчивых детей Зарзанда Утиджяна. С особенной теплотой и радушием встретила его тикин* Лусик, мать детей.

– Армен джан, – сказала, – чувствуй себя как дома, делай что хочешь, ешь что хочешь – никто тебе худого слова не скажет.

Сильна память крови у родственников, пройди хоть сто лет. Стоит им встретиться, как тут же заиграет, заявит она о себе. Все, что окружало Армена, было до того знакомо, так по-родному близко и любимо им, что ему почудилось даже, что когда-то он жил в этом доме...

* Тикин – сударыня, госпожа.

Поразительна звонкая чистота деревенского утра! Селянин встает раньше Солнца, чтобы Солнце не застало его спящим, чтобы пожелать Солнцу доброго утра и приступить к работе. Знает, что летний день год кормит, что поленишься — всего лишишься...

И у Армена вошло в привычку вставать чуть свет, бежать к речке, чтобы умыться ледяной водой и пожелать доброго утра лошади... Какое это счастье вставать раньше Солнца, навстречу утренней заре!

На седьмой день конь, до этого не реагирующий на приветствия Армена, вдруг на его “доброе утро” кивнул головой. Радости Армена не было предела. Он обнял лошадь за шею, прильнул к ней головой и почувствовал ее дыхание.

— Мой красивый конь, я тебя очень-очень люблю, — прошептал он.

Конь трижды ударил правым копытом оземь, хотел было заржать, но не смог — уж очень был старый и усталый.

Армен достал из кармана горсть изюма, что привез из города, и угостил коня. Вытянув губы, конь взял изюм и с аппетитом начал жевать.

— Спасибо, давно я не ел изюма, — сказал конь.

— Ты... ты умеешь разговаривать?! — не столько удивился, сколько обрадовался Армен, поглаживая глаза коня.

— Я разговариваю только с теми, кто понимает меня...

От переполнявших его чувств Армен прослезился.

— Не плачь ты, не плачь! — сказал конь. — Никогда, никогда не плачь и не будь жалким. Не терплю жалких мужчин. Я довольно долго живу на этом свете, всякого навидался и ничего не забыл. Помню все и всех. Помню, как меня взнуздать решили. Было печальное, очень печальное утро. Зацвела черешня. Засунули мне в рот удила. От вкуса железа тошнило, кружилась голова, но я не подавал виду... Какой-то неприятный толстяк вскочил в седло и больно стеганул меня... О, как много их было — недостойных, которые седлали и безжалостно стегали меня!.. Самый ужасный день в моей жизни был, когда меня запрягли в одну упряжку с мулом. Мы перевозили навоз. Мул был старый и одинокий и как-то ночью сдох... Потом поднялся какой-то переполох в колхозе: хлеба разрушили,

животных раздали... Словом, грабеж. Зарзанд спас меня. И с того дня я конь Зарзанда. Он заботится обо мне. И я очень люблю этого доброго и хорошего человека... Мы вместе сражались в Арцахе. То были незабываемые дни моей жизни. Зарзанд, он храбрый, бесстрашный воин. В Арцахе меня ранило. Вылечил и поставил меня на ноги храбрый солдат по имени Овик. После уже Зарзанд на грузовике доставил меня в деревню... А однажды меня хотели скормить диким животным. Зарзанд и Ксенефон Элефтерадис не допустили. Но и тогда я не плакал. И ты, что бы ни случилось, не плачь! Как ни горька и жестока была бы жизнь и как силен и коварен ни был бы враг твой, не бойся! Никогда! Пускай враг трепещет перед тобой... Ты понял меня?

— Да, конечно... Я никогда не буду плакать, — сказал Армен, до боли сжав пальцы в кулак.

— А изюма больше нет? — причмокивая, спросил конь.

— Есть, есть... — Армен достал из кармана новую горсть.

— Нет чувства сильнее доброты. Добрый человек должен быть еще и сильным, чтобы уметь постоять за себя... Пить хочется. Изюм был сладкий.

— Я принесу сейчас, — сказал Армен и побежал к речке.

Он полными пригоршнями носил воду из речки и поил коня.

— Спасибо, мой царь, — сказал конь, польщенный вниманием Армена.

— Что? Что ты сказал? Мой царь? — улыбнулся Армен.

— Да, ты мой царь, а я — твой скакун. Садись на меня, мой царь!

Армен и не понял, как оказался верхом на коне.

— Обними меня крепче за шею, мы сейчас поскачем к Белой горе.

Конь вздыбился, у него выросли крылья, и он, оторвавшись от земли, полетел к Белой горе.

Армен впервые в жизни ощутил радость полета и почувствовал себя храбрым-прехрабрым. Сердце его работало в ином ритме, глаза будто излучали какой-то необычайный свет.

Конь, прорвавшись сквозь гущу черных облаков, опустился на ледяную вершину Белой горы. Замер на минуту, переводя дух, правым копытом трижды ударил по ледяной глыбе и сказал:

— Под этой глыбой лежит золотой сундук. Подними глыбу, в сундуке хранится царская одежда. Достань ее и надень.

Армен напряг все свои силы и поднял глыбу. И действительно, глазам их предстал, весь в сиянии, кованный золотом сундук. Мир озарили разноцветные клинья света. Армен открыл сундук. В нем лежали украшенная бриллиантами корона, обоюдоострый меч, королевское одеяние и пурпурная мантия.

— Теперь ты царь, и ты должен с достоинством носить и бриллиантовую корону, и царскую одежду, и меч, и королевский пурпур. Ты должен быть храбрым, благоразумным, мудрым и добрым, — сказал конь и заржал. И ржание его разнеслось по всему свету. В небе засверкали молнии.

Бриллиантовая корона наделила Армена мудростью, королевские одежды придали ему величие, обоюдоострый меч — храбрость, пурпурная мантия — доброту.

— Но ведь это игра, скажи, разве нет?

— Какая еще игра! — запротестовал конь. — Все дети — короли... Однако ты не только рожден царем, но еще и наследный принц. Садись в седло, мой царь, и крепко держи поводья в руках.

Армен оседлал коня, взялся за поводья. Конь поднялся на дыбы, заржал и, как подобает королевскому скакуну, понесся в деревню.

Вечерело. Косари, трактористы, пастухи, садоводы, старики, учителя, демобилизованные солдаты и выпускники школы, собравшись после тяжелого трудового дня на площади в центре села, обменивались новостями. Обсуждали катастрофические последствия землетрясения в Японии, опустошительного цунами, угрозу радиации в результате аварии на атомном реакторе и еще многое из того, что накануне узнали из новостных телепрограмм.

— Мир сегодня — как улица, и мы жильцы на этой улице. И нет такой трагедии или беды в мире, что не отозвались бы в наших сердцах, — взволнованно говорил демобилизованный из армии солдат.

От его слов все задумались, погрустнели. И в этот миг на площади появился всадник на коне. Все невольно встали на ноги, обнажили головы и поклонились.

— Долгих лет нашему царю! — воскликнул юноша, демобилизованный из армии, и, схватив коня под уздцы, молвил: — Я готов выполнить любой твой приказ, мой царь!

— Это внук моей тети, Армен, — гордо сказал Зарзанд Утиджян и подошел к Армену. — Армен джан, царские одеяния тебе очень к лицу. Ты их из театра взял?

— Замолчи! — вскричал демобилизованный. — Так не разговаривают с царем. Какой театр? Что ты мелешь?.. Долгих тебе лет, мой царь! Я твой воин и готов служить тебе.

Зарзанд Утиджян пожал плечами, подошел к Ксенефону Элефтерадису.

— Ксенефон, ты хоть что-то понимаешь?..

— В Древней Греции поклонялись не только своим царям, но и коням.

— Что ты мелешь? При чем тут Древняя Греция, о каком царе ты толкуешь?..

— Дорогой мой брат Зарзанд, иметь честного, благородного, доброго и справедливого царя — большое счастье. Надо любить и уважать своего царя, верить ему и свято выполнять его приказы, — сказал Ксенефон Элефтерадис, не сводя глаз с царя.

— Встать! — приказал царь Армен Первый бывшему солдату.

Молодой человек с гордой, подобающей воину армянской армии выправкой встал перед царем.

— Отныне ты будешь моим знаменосцем, — сказал Армен.

— Готов служить отечеству! — воскликнул молодой человек.

— А вас, Зарзанд Утиджян, я назначаю министром путей сообщения и транспорта. Вас, Ксенефон Элефтерадис, министром сельского хозяйства. Вечером придете во дворец, чтобы получить соответствующие поручения.

— Да здравствует наш царь! — дрожащим от волнения голосом выкрикнул Ксенефон, затем подошел и поцеловал его правую руку.

— Вы на них поглядите, — зло покачал головой учитель арифметики Злыдень Гурген. — Эй, вы что, спятили? Или ослепли? Вы и вправду считаете этого мальчишку с его жалкой клячей своим царем?

— Замолчи, негодяй! — прикрикнул на Гургена старик с пышными усами. — Вот из-за таких, как ты, мы и не имеем

царя. Будь у нас царь, сейчас я сидел бы у себя дома в Ване. Приказывай, царь, я тоже готов выполнить любое твое повеление, — с готовностью старого вояки сказал старик и встал рядом с демобилизованным юношей.

Все, кроме Гургена, подняли вверх кулаки и закричали:

— Слава нашему царю!

Корона, царское одеяние, меч, пурпурная мантия придали Армену такое величие, сделали в их глазах таким мужественным, храбрым и мудрым, что все поверили, будто перед ними не простой смертный, а человек, наделенный божественной силой, которому грех не верить.

— Мы готовы проводить в жизнь все твои приказания, наш царь, — сказал Ксенефон Элефтерадис, становясь рядом с пышноусым стариком.

— Утиджян Зарзанд! — обратился царь к министру путей сообщения и транспорта. — Оповестите подданных моего царства, чтобы они завтра сдали все автомашины школьникам как металлолом. Отныне в больших и малых городах и селах все, независимо от возраста, будут ездить в конных экипажах и на лошадях. Кто осмелится не подчиниться моему указу, будет строго наказан, — решительно заявил на весь мир царь Армен Первый.

— Мы готовы исполнить твои приказания, мой царь.

— Желаю вам удачи и здоровья, — сказал царь Армен Первый и пришпорил коня.

— Да здравствует наш царь! — кричали собравшиеся, пока всадник не ускакал с площади.

— Хи-хи-хи, театр окончен. Если мы каждый день по вечерам будем играть в эти игры, то вскоре все сделаемся народными артистами, — злобствовал учитель арифметики Гурген.

— Не смей оскорблять нас, глумиться над нашей верой! — возмущенно осадил его демобилизованный.

— Рехнулись вконец, кого ни попадя за царя принимают, — пробурчал Злыдень Гурген и ушел восвояси.

Никто из собравшихся на площади больше не проронил ни слова. Стали расходиться. Каждый, задумавшись о своем, спешил попасть домой, поскорее лечь в постель, уснуть, чтоб увидеть во сне желанный сон. Говорят, хороший сон внушает надежду и веру в будущее...

Лошадь повезла Армена домой. О его чудесном превращении братья и сестры были уже оповещены. Они с ликованием встретили его и, подняв руки, заголосили:

– Слава Армену Первому!

– Я приветствую вас, дорогие мои сестры и братья, – с царственной улыбкой на лице сказал Армен Первый, сошел с коня и, подойдя к Майрамик, самой младшей из детей, погладил ее по голове.

– Я хочу поиграть с нашим царем, – радостно воскликнув, ухватилась за подол пурпурной мантии золотоволосая Майрамик.

– Доченька, у царя так много дел, что он не сможет поиграть с тобой, – добродушно усмехнувшись, сказала тикин Лусик, взяла девочку на руки и встала перед царем.

Дети непроизвольно затянули песню, посвященную одному из армянских царей, которую разучили, чтобы принять участие в телеигре “Армянский рыцарь”.

Армен поднял руку. Все замолчали.

– Прошу накормить и позаботиться о моем коне, – попросил он, передавая узду Мовсесу, самому старшему из ребят.

– Не беспокойся, все будет сделано как положено, – сказал Мовсес и, взяв коня под уздцы, направился к конюшне.

– Я голодный, тикин Лусик.

– Мы тебя ждали, сынок, – нежно улыбнулась ему тикин Лусик. – Пожалуйте, царь, к столу.

Армена усадили во главе стола, на место Зарзанда Утиджяна. Обычно за обедом у них разговаривать было не принято и раздавался лишь перестук ложек, но в тот день всем хотелось поговорить, сказать друг другу что-то хорошее.

– Ты уже поручил конюху, чтобы он выкупал моего коня и угостил его изюмом?

– Да-да, все в порядке, мой царь, – на полном серьезе сказал Мовсес. – А ты позволишь, царь, дворцовой танцовщице Вардуи выступить после обеда?

Получив согласие царя, Мовсес включил проигрыватель. Зазвучала зажигательная танцевальная мелодия. Тотчас в дверях появилась, пританцовывая, Вардуи в красочном сасунском уборе. Она на секунду замерла в поклоне перед царем, затем пустилась в пляс.

Мужественный ритм мелодии под синкопы барабанной дроби и зажигательный танец Вардуи настолько захватили всех, что каждый был уже готов поверить в то, что Армен и вправду царь.

– Конечно, он царь, – умилялись они и хлопали в ладоши.

На цыпочках, чтоб не помешать веселью, в столовую вошел Зарзанд Утиджян. Малышка Марине, любимица отца, с горящими от счастья щеками подбежала к нему и, обняв за шею, воскликнула:

– Папа, папочка, у нас есть царь!

– Знаю, знаю, доченька, моя сладкая! – прошептал Зарзанд Утиджян и смиренно встал перед царем.

– Слушаю тебя, мой министр, – сказал ему царь Армен Первый.

– Народ поддержал указ о ликвидации автомобилей, мой царь, – со всей серьезностью отчитался Зарзанд Утиджян. – Завтра с утра на улицах больших и малых городов, сел и деревень твоего царства больше не будет ни одного автомобиля.

– Спасибо, мой министр, – сказал Армен Первый и поднялся с места. Члены семьи, все как один, тоже поднялись и поклонились. Царь одарил присутствующих доброй улыбкой и торжественно удалился в свои покои.

– Ох-хо-хо, – распластавшись на тахте, простонал от усталости Зарзанд Утиджян. – Ответственное это дело – быть министром. Надо свято исполнять приказания царя, надо...

– Надо полить грядки картофеля, чтобы не засохли, надо обновить кровлю хлева, чтоб не капало, надо траву с поля убрать, привезти домой, чтоб коровы не голодали зимой, надо овец постричь...

– Лусо джан, повремени немного, вот покончу с министерскими делами, займусь личными, я...

– И ты туда же?! – в недоумении воскликнула тикин Лусик. – Ты что, и в самом деле думаешь, что...

– Лусо джан, знаешь ли ты, в чем причина всех наших бед и невезений?

– В том, что мы верим в любую ложь и выдумку.

– Нет, дорогая, нет. Беда наша в том, что мы ни во что не верим. Ты же своими глазами видела царя, так ведь? Видела и все равно не веришь...

– Костюм он из театра взял, – перебила мужа тикин Лусик,
– а ты, блаженный, поверил, будто он царь, а ты министр...

– Не говори так, не лишай детей веры в чудо...

А дети заткнули себе уши, чтобы не слышать слов матери, и разошлись по своим комнатам, чтобы уснуть и видеть цветные сны.

Этой ночью в деревне не смогли уснуть только двое – Зарзанд Утиджян и Ксенефон Элефтерадис. Размышляли о новоявленном правителе. Как знать, думали они, быть может, царь Армен Первый и впрямь сумеет очистить этот мир, зараженный злобой, раболепием, ненавистью, стяжательством, жестокостью и человеконенавистничеством, и люди, одинокие, заблудшие люди, начнут любить друг друга. И уже никогда и нигде не взорвутся бомбы. И в мире воцарится счастье, и ни один ребенок больше не умрет от голода или от болезней, если правителями больших и малых государств будут дети...

Зарзанд Утиджян намеревался и дальше порассуждать, если бы не петухи, которые раскукарекали и разбудили Солнце... Крики петухов подняли и Армена. Умывшись холодной водой, он облачился в царское одеяние, привязал к спине обоюдоострый меч, набросил на плечи королевский пурпур и, выйдя из дома, направился к конюшне. Конь, увидев Армена, правым копытом трижды ударил оземь и склонил в приветствии голову. Армен отвязал его и вышел во двор. Воздух, напоенный утренней росой, взбодрил их. Конь фыркнул, царь чихнул.

– Как спалось тебе, мой царь? – спросил конь.

– Я не смог уснуть.

– Болело что?

– Нет. Думал, размышлял...

– О чем?

– О том, чего больше всего хочет и ждет народ от царя.

– Народ хочет, чтоб его царь был честным, добрым, гуманным и, самое главное, – справедливым. Хочет, чтоб его царь был храбрым, самым красивым из всех царей в мире, высоким... А сегодня, мой царь, я хочу показать тебе твои владения, – сказал конь и стал у большого камня. – Садись, мы поскачем к Белой горе.

Армен поднялся на камень и вскочил на коня. Конь заржал, встал на дыбы и мощным скачком сорвался с места. По

бокам его опять раскрылись крылья. Поднимаясь все выше и выше, он полетел и опустился на самый пик величавой горы. Армен посмотрел вокруг. Перед ним, насколько хватает глаз, простирались залитые божественным светом долины, луга и леса, цветущие сады, виноградники и пшеничные поля, горы и глубокие ущелья, благоустроенные города и села.

Сердце Армена преисполнилось не только чувством гордости за свою страну, но и ответственности за нее.

“Низок тот, кто не гордится своей родиной”, – подумал он и вдруг почувствовал, как соскучился по их улице, дому, своей школе, по Зарзанду Утиджяну и Ксенефону Элефтерадису, по своим сестрам и братьям, по отцу и матери, по бабушке и по ее берущим за душу песням.

– Почему? – вопрошал он шепотом свое сердце. – Почему так сильно тоскую я по этим горам и ущельям, долинам и садам, по каменным монастырям и храмам, по отцу, матери и бабушке с ее песнями?.. Почему?

– Это твои владения. Скакуны твоих дедов рысили по живописным долинам Алашкерта, Муша, Вана, Битлиса, Сасуна, Ширака, Арарата. Они купались в водах озера Ван, доплывали до Ахтамара, били копытами у стен монастыря Сурб Хач... Скакали они по Арцаху, пили воду из реки Тартар, поднимались до вершины горы Мрав, переводили дух у стен величественного Гандзасара... Там, за горами, по краям бездонных ущелий, высятся созданные руками твоих дедов каменные монастыри и храмы. Смотри, смотри, вот Нахиджеван – там покоится прародитель Ной. Вон гора Марута, дальше Цовасар и Беркрийский водопад, лесистые горы Шатаха... А вон гордый Сипан. Собравшиеся на его вершине удалыцы ждут тебя в полной боевой готовности...

Армен вперил взгляд в купол церкви, высящейся на горе Марута, откуда выбился вдруг мощный клиновидный луч света и, рассекая толщу облаков, канул в необъятности космоса. То была искра, отлетевшая от меча Давида Сасунци.

– Моя прекрасная страна! Я никому не отдам и пяди земли твоей, не позволю, чтоб ее топтала нога подлого захватчика. Ты должна цвести и мужать, нести свет всем народам и расам мира, – с гордостью хозяина прошептал Армен.

— А теперь, мой царь, мы должны спуститься в нашу долину, — сказал конь. — К тем, кто ожидает тебя внизу.

Армен Первый вновь окинул взглядом просторы своей земли и словно вобрал их в свое сердце. Вскочив на коня, он понесся с величавой вершины Белой горы вниз, в небольшую долину, где в ожидании добрых и счастливых дней жили его родные и близкие.

Конь приземлился на зеленой полянке. Армен соскочил с седла, вынул изо рта коня удило, присел на голыш — дух перевести.

— Извини, мой царь, — обратился к нему какой-то высокий, с вдумчивыми глазами мужчина. — Я твой почтальон. Буду доставлять тебе письма и прошения жителей твоей страны и разносить адресатам ответы на них, — доложил он, опрокинув на траву битком набитый письмами пакет.

— Я должен все это прочесть? — спросил царь Армен Первый.

— Не только прочесть, но и ответить на вопросы и удовлетворить просьбы пишущих, — сказал почтальон и удалился.

Армен было собрался прочесть одно из написанных красивым почерком писем, как поляна вдруг наполнилась шумной ватагой деревенской молодежи. Окружив его, они взялись за руки и запели песню о царе. Один из ребят положил на траву охапку венков, сплетенных из полевых цветов:

— Вардавар* наступил...

— Вардавар, вардавар, вардава-а-р! — кричали разгоряченные, чуть-чуть хмельные от солнца юноши и девушки и, взявши в круг царя Армена Первого, увлекли его к речке.

Раздевшись, они бросились в ее пенные воды.

— Иди к нам, наш царь! — кричали они, обливая друг друга.

Армену хотелось раздеться, присоединиться к ребятам, но его удерживало какое-то необъяснимое чувство. “Царь не может предстать голым перед своими подданными”, — подумал он и присел на какой-то щербатый камень. И тут раздался издали тревожный голос Ксенефона Элефтерадиса:

— Мой царь, мой царь!..

Армен обернулся на крик — к нему со всех ног бежал Ксенефон Элефтерадис.

* Вардавар — праздник Преображения.

– Что стряслось, мой министр? – тревожно спросил царь, соскочив с камня.

– Конь... твой конь, – запыхавшись бормотал Ксенефон Элефтерадис, – наш конь... наш конь...

– Увели, что ли?

– Нет... На траве лежит...

– Может, спит?

– Нет... глаза у него открыты, – простонал Ксенефон Элефтерадис и рухнул на шербатый камень, зарывшись лицом в ладони.

Детские голоса, крики и хохот словно захлебнулись в водах речки.

– Почему?.. Почему?.. Почему – мой конь?

Царь Армен Первый силился сказать что-то очень важное, что не мог выразить словами.

– Старый он был, силы иссякли, – утирая слезы, сказал Ксенефон Элефтерадис. – Пойдем, надо решить, что нам делать.

Царь Армен Первый было расплакался, но вспомнил слова коня, сказанные в их первую встречу: “Никогда не плачь, не будь жалким! Стисни зубы! Удержи рыдания!”

Юноши и девушки вылезли из воды, молча оделись и, понутив головы, встали возле Армена Первого. А тот завернулся в пурпурный плащ и молча зашагал к дому.

Ксенефон Элефтерадис шел следом за ним и рассказывал, как в Древней Греции в честь лошадей устанавливали мраморные памятники.

Во дворе дома толпился народ; кто улыбался, кто беседовал, а кто сочувственно поглядывал на Зарзанда Утиджяна.

Злыдень Гурген полоснул по Армену колючим взглядом и захихикал с издевкой:

– Хи-хи-хи, как ты теперь, царь, будешь без этой клячи править страной? Кляча-то ведь сдохла, хи-хи-хи...

– Пусть все уйдут, кроме моих родных! – приказал Армен Первый.

Все молча разошлись. Наступившая тишина всей своей тяжестью легла на плечи родственников.

– Я хочу уехать домой, – обратился царь Армен Первый к Зарзанду Утиджяну.

– Утром поедem, Армен джан.

– Нет, хочу сейчас! Немедленно! – сказал царь тоном, не терпящим возражения.

– Хорошо-хорошо, я скажу Ксенефону, чтоб он повез нас в город, – согласился Зарзанд Утиджян и обратился к Ксенефону: – Отвези нас, пожалуйста, на своей машине в Ереван.

– Я сейчас, – сказал Ксенефон и отправился за машиной.

Царь Армен Первый вошел в спальню, торжественно снял с себя царское одеяние, положил бриллиантовую корону на пурпурную мантию и отвесил ей поклон. Он думал о том, что скоро явится на свет армянский царь и возвратит все отнятые у нас земли. И все, как один, поверят в своего царя, будут ему верны и свято будут выполнять его приказания. И тогда Бог спустится с небес и встанет рядом с царем армянским, и уже никто, слышите, никто, не осмелится ступить на нашу землю...

Гудок автомобиля вернул Армена к действительности. Он поцеловал бриллиантовую корону и вышел во двор. Там молча ждали его родственники.

– Счастливо вам оставаться. Помните обо мне, дорогие мои сестры и братья. И простите меня, если я сделал что не так, – сказал он, обнимая братьев и сестер, потом подошел и поцеловал руку тикин Лусик. Рука пахла свежеиспеченным лавашом.

– Я всегда буду помнить о вас, тикин Лусик. Царские одеяния я оставил в доме. Берегите их...

– Счастливого пути, сынок, – сказала тикин Лусик, сияя улыбкой, завернула в лаваш головку сыра и несколько пучков зелени и протянула Армену. – Передай бабушке от нас большой привет. А ты, как соскучишься, приезжай снова. Я люблю тебя, сынок, и свято буду хранить твои одеяния...

– Спасибо, тикин Лусик, – сдерживая волнение, сказал Армен и сел в машину.

Всю дорогу они проехали молча – из их жизни ушла красивая сказка, и теперь каждый думал о своей утрате...

Машина, проглотив дорогу, словно зверь свою добычу, фыркнула и стала во дворе Арменова дома. Зарзанд Утиджян велел Ксенефону Элефтерадису подождать, а сам поднялся с Арменом на одиннадцатый этаж.

— Что случилось? — увидев растерянного Зарзанда Утиджяна и понурого внука, всполошилась бабка. — Уж не заболел ли ты, Армен?

— Нет-нет, ба, я не болен...

— А что вы такие понурые, будто с похорон? — не унималась она.

— Лошадь...

— Забрали, что ли?

— Нет.

— А что?

— Сдохла, — простонал Зарзанд Утиджян, — угасла моя лошадь, тетушка, больше нет у меня лошади...

— Ой-ой-ой! — запричитала бабка и обняла Армена.

— Тетушка, пойду я, Ксенефон меня внизу дожидается. В деревне у нас жеребенок родился. Надумал я купить его. Сегодня же. Боюсь, продадут вдруг кому-то другому... Ну, счастливо оставаться! Армен джан, как только жеребенок подрастет, конем станет, приеду за тобой. Да-да, все будет как надо... Пойду я... жеребенка домой к себе возьму. Не могу я без лошади жить.

— Храни тебя Бог! Не убивайся ты сильно, сердце побереги... У тебя дом полон детей, их еще на ноги надо поднять, — с такими вот напутствиями проводила бабка Зарзанда Утиджяна.

Всем людям, живущим в этом большом и бездушном мире, недостает бабки, доброй и мудрой бабки, которая заключила бы каждого в свои объятия, чтобы он почувствовал себя счастливым, понял, что мир не без добрых людей...

Бабка все обнимала Армена и успокаивала, обнимала и рассказывала, что произошло в городе в его отсутствие, как однажды целый день на улицах города не появилось ни одной машины. В этот день старики, дети и сердечники чувствовали себя хорошо. Незнакомые люди, встречаясь, тепло здоровались и улыбались друг другу.

Вечером, придя с работы, родители Армена очень обрадовались, застав сына дома. После объятий и поцелуев пошли расспросы: как там тикин Лусик, как дети, что и как вообще в деревне... Отметили, что за это короткое время Армен очень изменился — поздоровел, возмужал...

Армен не сказал им, что ездил верхом на лошади, не сказал, что сделался правителем большой страны, не сказал, что обрел родину и теперь носит ее в своем сердце...

— Как я по тебе соскучилась, сынок! В следующий раз я с тобой поеду в деревню, — сказала мать, крепко поцеловала Армена и пошла спать.

Луне в этот день минуло пятнадцать дней: усевшись на подоконнике, она заливала молочным светом комнату. Армен хотел спать, но стоило ему закрыть глаза, как перед ним возникал его конь. Он вставал на дыбы, ржал... Армен открывал глаза — конь исчезал. Он попробовал лечь на живот и крепко зажмурился, чтобы уснуть...

В глубокой тишине вдруг раздался скрип. Армен открыл глаза, сел в постели...

Дверцы шкафа распахнулись, и перед ним возник маленький огненный конь. Он три раза ударил копытом о паркет. Армен вскочил с постели, подошел к коню, обнял его за шею.

— Отныне я — твой конь, и я всегда буду с тобой, — сказал конь и заржал.

Ржание его эхом отозвалось во всем мире.

— Армен очень изменился, — говорят соседи.

— Армен возмужал, — говорят родственники.

— Армен решает задачи по математике и алгебре в мгновение ока.

— Армен бесстрашный, честный и добрый парень.

— У Армена блестящее будущее...

На улице, в школе, дома — все в один голос хвалят Армена.

И действительно, нет в их квартале, школе, городе, а может, и на всем белом свете парня бесстрашнее, умнее, добрее и справедливее Армена.

И никто не знает, что у него есть конь. Огненный.

"¿Ã¿- €-¿Ö€-flÖ

*Διᾶεῖται ἡ Ἀδαὰία, ἰεῖι-εῖα οἰεὸαῖ
 Ἀἴ. Ἐαῖᾶᾶὸ οἰεῖεῖᾶ-ᾶῖεὸ ἰᾶε. Ἰ
 1988 ᾶ. ᾶεᾶᾶὸ ᾶ Ἰᾶ. ᾶᾶῖ Ἀᾶῖᾶῖ Ἰᾶ
 ᾶᾶὸ Ἀῖ ᾶᾶᾶῖ Ἰᾶῖ ἰᾶᾶᾶ, ᾶᾶᾶῖᾶ
 ἰᾶ ᾶῖᾶᾶ ἰ ᾶᾶᾶᾶ ἰ ᾶᾶᾶ ᾶᾶᾶ ᾶᾶᾶ
 ᾶᾶᾶ. Ἀᾶᾶᾶ ἰ ἰᾶᾶᾶ Ἰᾶᾶᾶ, ἰ ἰᾶᾶᾶᾶ
 ἰᾶ ἰᾶᾶᾶᾶᾶ, ᾶᾶᾶᾶ, ἰᾶᾶᾶᾶᾶᾶ, ᾶ
 ᾶᾶᾶ ἰᾶᾶᾶᾶᾶ ἰᾶᾶᾶᾶᾶ ἰᾶᾶᾶᾶᾶᾶ
 ἰᾶ.*

»Á Í Ì È „È ì-»Ã' €Ö»fl ; α" »flî

Ï ᾶᾶᾶᾶᾶ Ἀῖᾶᾶᾶὸ Ï ᾶᾶᾶᾶ ᾶᾶᾶ

* * *

Быть поэтом — безрассудство, лихо.
 Мыслей, слов сумбур, неразбериха.
 Птица, что смешала день и ночь
 И растеряна — ей петь невмочь...
 Это не профессия, не звание.
 Этому другое есть название:
 То, что от зари и до зари
 Гложет, мучит, ест нас изнутри,
 Губит, возрождает всякий раз
 И, натешась, — покидает нас...

* * *

Земля — постель, а одеяло — ночь,
 Чей тёмный, лёгкий шёлк ласкает тело.

Дремоту не сумевший превозмочь
Простёрся мир — без края, без предела.
Паук в тиши корпит, не устаёт,
Всё мечется в пылу ночного бденья,
Как заговорщик вверх и вниз снуёт,
Прядёт свои смертельные владенья.
Земля и небо, суша и вода
В сон погрузились, долгожданный, краткий.
Лишь мысль поэта бодрствует всегда:
Он хочет знать, что в мире всё в порядке.
Он на посту стоит, как часовой,
Как пограничник, он застыл на страже.
Ему доверен этот мир живой,
И он готов хранить его покой
Что б ни было,
Ценою жизни даже.
Мир говорит ему:
— Благослови
Людей, что неразумны временами,
Согрей им души для земной любви
Немыслимыми грёзами и снами...

* * *

В этом шумном кафе, в этом пёстром прибое
Будто прянул из почвы хрустальный родник —
Вдруг напев зазвучал
Нашей встречи с тобою,
И бывшее проснулось на миг.
Звуки песни так памятны мне, так чисты,
Что мурашки опять побежали по коже.
Зря ищу я повсюду родные черты —
Эти люди вокруг на тебя не похожи.
Песня льётся и мучает сердце моё.
Я застыла. Опушены руки безвольно.
Обними меня, слышишь! И спрячь от неё —
Эта старая песня мне делает больно!
В ней как будто сгустилась разлуки тоска.

Как мне слушать её, если нет тебя рядом?
Поспеши же ко мне!
Не утешусь, пока
Не согреешь меня ободряющим взглядом.
Я тебе расскажу обо всех своих снах —
Они страхом меня прошлой ночью сковали.
Гладь ручки моих пальцев,
Развей этот страх,
Я теперь без тебя успокоюсь едва ли.
Обжигает горчайшего кофе глоток,
Над столом завивается дым сигаретный.
Льётся тот же мотив,
Так же нежно-жесток,
Замирая вдали, точно зов безответный.
Так приди же и ревностью прежней взволнуй —
К людям, к воздуху, к песне,
Что в сердце проснулась,
К этой чашечке кофе меня приревнуй,
Что к губам моим
Так горячо прикоснулась...

* * *

Поздно. Заперлись все мысли в голове,
Мир таинственно глубок и молчалив,
И теряется в густой синеве
Даже время, обессилев и застыв.
Ночь-воровка лезет в дверь и окно,
Шепчет в уши нам любовные слова
И не знает, что устали мы давно
И что чувства наши теплятся едва.
Через силу светит сонный ночник,
Он и сам мечтает веки сомкнуть.
Мне подсказывает песню этот миг:
Хочет песней нас с тобой обмануть...

* * *

Я скопидомка. Я всю жизнь коплю
Дома, картины, всякое другое,
Дешёвое или же дорогое,
Не важно: я найду, возьму, куплю.
Проходит жизнь в бессмысленной погоне
За тем, что мне, по сути, ни к чему,
Как будто пью я воду из ладони,
Пью много лет, а жажды не уйму.
И чувствую: не стала я богаче,
Душа скудеет, жар в ней приугас.
А ведь когда-то было всё иначе:
Я жизнь благословляла всякий раз,
Когда сквозь приоткрытую калитку
Мне почтальон протягивал открытку –
Любовное простое письмецо.
Я подчинялась чувств переизбытку
И вспыхивало радостью лицо.
Пусть в письмах орфография хромала,
Всем существом я суть воспринимала
Бесхитростных, но гревших сердце строк,
Любовь как дар судьбы я понимала
И нежной страстью запасалась впрок...
И вот, устав от суетных стремлений,
Я горькой мыслью мучаюсь опять,
Что после всех ненужных обретений
Осталось мне – себя не потерять...

* * *

Не было у мамы дня рожденья:
Смутно и внезапно, как виденье,
Появилась – и ушла мгновенно,
Так легко, безропотно, смиренно.
Своего не знала дня рожденья,
Родичей, семьи, происхожденья.
Точно лучезарная комета,
Промелькнула и исчезла где-то,

И мои о ней воспоминанья —
Сон, мираж, несбыточность желанья.
Вся она была как дар небесный:
Пальцы так проворны, так прелестны,
Нежный голос, взгляда волшебство...
Не было у мамы ничего!
Но она дала мне землю, небо,
Ароматы детства, сказки, хлеба,
Солнечные грёзы и виденья —
Все, что и теперь милей всего...
Не было у мамы дня рожденья.
Не было у мамы ничего...

* * *

Стихотворение — признание в любви
Всем, кто его прочтет: любого назови!
Открытого письма взволнованные строки —
Сравненья, образы, картины, слог высокий —
Вдруг сходят со страниц,
Чтоб юркнуть под подушку
И сном околдовать влюблённую простушку.
Они в бессонный час — напевы колыбельной,
Огонь во тьме, звезда в судьбе скудельной,
Для одиноких — побратимы-сверстники,
Союзники, советчики, наперсники,
Для потерпевших кораблекрушение —
Спасительный маяк и утешение.
Не важен их язык или наречье,
Чтоб тронуть сердце,
Сердце человечье...

> A<f¿ Γ-»Õ

*Ðíäèèàñü á Õáèèèñè. Í èíí-èèà Áðààáí-
ñèèé íááááíäè-áñèèé èíñòèòóò, çàòáí
áñíèðáíòóòò èíñòèòóòà èíñòðáííüò
ýçüèíá á Ì ïñèáá. Βάεγαòñý ñóáááíüí
ýèñíáðòíì-íñèðíèíáíì, ïðáííáááò ïñèðí-
èíäèð á Áðàááíñèíì áíñóááðñòááííí
óíèááðñèòáòá. Ááòíð ïííáèò èíèá. Áá
ðáññèàçü íáðááááíü íá ýíííñèèé, ïíèü-
ñèèé, ðáññèèé è áðóáèà ýçüèè.*

»Á ^ÉÍÎ‡ ì; E-EG fE" -" ¬¿Î

¬ КЕÕ÷E ¿¬Г" -" ¿

Í ïñâyüàááòñý Áðáòá Ñíñýí

Среди детворы зеленой душистой деревушки самой смелой, ловкой и быстрой была Сосе. Она и на деревья лазала проворней всех, и речку переходила вброд, не замочив латаную-перелатаную юбочку в красно-синюю клетку. А как она бегала! Никто не мог ее перегнать! Даже Вачик-командир, которого все боялись, кроме Сосе конечно! Ее отец, Мнац, шутил, мол, Сосе должна была мальчиком родиться, Сосом, но по дороге кое-что потеряла. Взрослые смеялись, а Сосе недоумевала: что это она потеряла и по какой такой дороге? Но никто, никто не брался внести ясность в эту совершенно непонятную историю, все только отмахивались: подрастешь — узнаешь! А Сосе всего-то было девять лет! Это сколько же надо ждать!

— Я хочу научиться читать и писать! Когда же я пойду в школу? — приставала Сосе к родителям.

– Потерпи, Сосе джан, немножко! – говорил отец.

– Ты у нас и без школы умница! – утешала мать.

Сосе и вправду была умницей. Когда ее старший брат, Степик, учил дома уроки, Сосе запоминала все истории, все стихи, которые были в учебнике...

Тот день был похож на другие августовские дни. Сосе, выпив в хлеву кружку парного молока, побежала к лужайке, где обычно дети затевали свои игры. Она стрелою пронеслась мимо Карапетова сада, окутанного благоуханием чайных роз, мимо дома хромого Самсона, где майоран рос прямо у входных лестниц, мимо дерева с самой вкусной смолой, мимо овечьей шкуры, сохнувшей на заборе бабки Марго...

С лужайки доносились звонкие голоса детей, от быстрого бега в ушах посвистывал ветерок, и эти звуки были так же прекрасны, как пение птиц...

К полудню Вачик-командир сказал:

– Сосе! Побежали до шалаша наперегонки!

Они добежали одновременно. Детские голоса остались далеко позади, на лужайке. Здесь же было тихо. Часто-часто дыша, Вачик-командир смотрел на милое личико Сосе, на ее носик, полуоткрытые губы.

– Ты самая красивая девочка на свете! – воскликнул Вачик-командир.

От него веяло теплом. Сосе чувствовала едва уловимый кисло-терпкий запах его кожи.

– Врешь! – тихо сказала Сосе.

Вачик-командир приблизил лицо к лицу Сосе, вдохнул аромат ее дыхания и быстро коснулся губами ее бархатной, как персик, щеке.

Сосе сорвалась с места, помчалась очертя голову прочь. Она слышала биение своего сердца, своей крови и ее охватило какое-то неведомое ей дотоле опьянение.

Дома было прохладно.

Сосе села на свой любимый, с подушечкой, стул, явственно ощущая, как от нагретого солнцем ее тела струится жар.

Степик что-то громко читал из учебника. У него были нелады с чтением и классрук товарищ Рипсима велела ему летом каждый день читать вслух. Первое сентября было уже на носу.

– Октябрюты решили помочь старшим, – запинаясь, но очень громко читал Степик.

– Октябрюта! – поправила его Сосе. Она всегда поправляла, когда брат ошибался.

– Откуда ты знаешь? – недовольно сказал Степик.

– Знаю! – уверено ответила Сосе.

Потом Сосе еще раз поправила брата, и еще.

– Отстань! – разозлился Степик. – Ты же не видишь, что написано!

– Вижу! – еще уверенней ответила Сосе.

– Не смей дураков! – заорал Степик, выйдя из себя. – Ты же ничего не видишь! Ни людей, ни животных, ни букв, ни цифр!

– Что? – не поняла Сосе.

– Ты такой родилась! Слепой!

– Мама! – заплакала Сосе. – Ма-а-а-м! Слышишь, что говорит Степик!

Никогда отец не бил Степика так, как в тот день: даст два-три подзатыльника – и все. А тут в ход пошли кулаки.

– Сукин сын! – кричал отец. – Я убью тебя! Девять лет, девять лет вся деревня молчала! Девять лет ни одна живая душа, ни взрослые, ни дети, ничего не говорили ей. Из уважения ко мне и к твоей матери, из уважения к нашему роду! Девять лет Сосе была беззаботной и счастливой! И всем мальчишкам фору давала! А тебе, сопляку, и подавно! А ты все разрушил! Дырявый твой рот! Проклятый твой язык! Ты наш первый враг!

Отец кричал и бил. Ругался и бил.

Сосе плакала.

Слава богу, что вмешалась мать.

Утро следующего дня было ясным, но прохладным. Сосе стояла на крыльце, и на ней была плиссированная белая юбка, которую она надевала только по праздникам. Вачик-командир, пробегая мимо, отметил, что эта праздничная юбка так же ладно сидит на Сосе, как и та каждодневная, в красно-синюю клетку.

– Сосе! – окликнул девочку Вачик-командир. – Пойдем на лужайку в футбол с ребятами играть. Мне дядя из Ростова мяч привез в подарок.

В руке у Вачик-командира был самый настоящий футбольный мяч.

– Не могу, – печально сказала Сосе. – Мы в Ереван едем, я буду учиться в школе для слепых. Я ведь родилась слепой...

Сосе была бледной и такой красивой, такой красивой! Ее глаза таинственно смотрели вдаль, где леса, горы, а может, и моря...

– Сосе! Возьми на память мой футбольный мяч, раз ты уезжаешь... – сказал Вачик-командир.

Но мяч так и остался у него в руке, потому что к крыльцу уже подошла впряженная в повозку соседская кляча и отец Сосе, Мнац, крикнул:

– Сосе джан! Поехали!

Вечером Вачик-командир заявил родителям, что первого сентября не пойдет в их сельскую школу и что ему наплевать на своих школьных друзей и даже на товарищ Рипсима, хотя она и добрая, наплевать на все школы мира! Он требовал, плакал и требовал, чтобы его срочно отвезли в Ереван, потому что он согласен учиться только там и только в школе для слепых...

А" КСЕ-ѠЕ –АЕ« Ѡ

В доме еды не было, даже крошки хлеба. Но был кипяток. Мы с братом чуть-чуть остудили кипяток и выпили.

– Готовьте уроки на завтра! – строго сказала мама.

Ее летящие брови взлетели еще выше. Так случилось всякий раз, когда мама была чем-то озабочена.

Было воскресенье.

Брат уселся за широченный, орехового дерева, письменный стол, зеленое сукно которого сплошь пестрело чернильными пятнами, я же пристроилась у подоконника. Брат считал, что именно благодаря этому письменному столу я так хорошо учусь. Так что моим уделом был теперь подоконник. Разложив на нем учебники и тетради, я первым делом решила задачки, а уж потом выглянула в открытое окно. По тротуару торопливо прошли опереточные артисты – супруги Данзас, балетной походкой про-

шагала знаменитая Араратова, с семьей которой мама дружила еще с тифлисских времен, просеменила пожилая женщина, облученная с головы до ног в черное, и я, догадавшись, что у нее горе, взгрустнула... Но тут к нашему окну подошел какой-то молодой человек в парусиновом костюме и спросил:

— Здесь библиотека Хнко Апера?

Вопрос был привычным, и все из-за книг, которых у нас в комнате было так много, что и с улицы было видно. После ареста отца мы вывезли из Москвы в Ереван часть книг. А сколько там еще осталось!

— Библиотека в соседнем здании, — ответила я.

Но молодой человек не двинулся с места.

— Девочка, — сказал он, — не найдется ли у вас томик стихов Фета?

— Афанасий Фет?! — воскликнула я. — Это же мамин любимый поэт! — И засмеялась: мой ответ прозвучал в рифму.

Мужчина обрадовался.

— Дадите почитать?

Книги у нас брали часто. Мама не возражала. “Только с возвратом”, — предупреждала она.

Кто возвращал, кто нет. Мы не спрашивали ни имен, ни адресов. Все основывалось на честном слове...

— Конечно!

Я нашла томик Фета и протянула его незнакомцу. Приподнявшись на цыпочки, он взял книгу и поспешил прочь.

— Только с возвратом! — успела крикнуть я ему вдогонку...

Ближе к обеденному часу мама достала из кухонного шкафчика двухлитровую банку с прогорклым смальцем, который тетка прислала из Севана, где заведовала маленькой аптекой.

— Все же питание, — задумчиво сказала мама, растопила в сковородке несколько ложек смальца, накрошила лук, полила уксусом, чтоб перебить неприятный запах и вкус, и поставила перед нами. Я, зажав нос, проглотила эту гадость, а брат, наотрез отказавшись, убежал во двор.

— Чем же теперь его кормить? — огорченно вздохнула мама.

Ее летящие брови поникли.

Я вспомнила, как у меня накануне в школе закружилась голова и я упала. Меня отвели к школьному врачу, медсестра сделала укол, дала выпить какие-то капли.

– Что ты ела утром? – спросил врач.

Я постеснялась сказать, что ничего не ела, поэтому, вспомнив наши московские завтраки, ответила:

– Взбитую яичницу с медом и молоко!

Врач многозначительно посмотрел на медсестру.

– Разве можно так питать ребенка? Яичница, мед да еще и молоко! От такого сочетания любому станет плохо!

– Конечно, товарищ Меликсетян! – угодливо поддакнула медсестра.

Я подумала: “А вот и не было плохо! *Ī ēēīāā!*”

О случившемся я маме не рассказала: к чему ее огорчать?

Теперь, сидя у подоконника, я старалась сосредоточиться на грамматике, а брат был еще во дворе.

В дверь постучали. Я кинулась в переднюю. Незнакомая женщина в сером платье, с тяжелой кошелкой в руке, робко спросила:

– Товарищ Арутюнян дома?

– Да, – сказала я и пригласила ее в комнату.

Женщина вошла, осторожно положила на стол кошелку, в которой, как мне показалось, была кастрюля. По комнате поплыл ароматный, горячий запах обеда.

Мама, проверявшая в этот момент контрольные работы студентов, вопросительно посмотрела на женщину, и я поняла, что они незнакомы.

– Я мать Арама Гаргртыана, – тихо сказала женщина и вздохнула.

По лицу матери хоть и скользнуло недовольство, но она предложила женщине сесть.

Я то и дело кидала взгляд в сторону кошелки, откуда продолжал исходить умопомрачительно аппетитный аромат, и улыбалась, словно шла навстречу надежде.

– Для Арама русский язык – китайская грамота! Он даже не старается что-то усвоить, – укоризненно сказала мама.

– Плохи дела Арама, – горько вздохнула женщина. – У него и по другим предметам долги... Его могут исключить из техникума...

Женщина прослезилась, потом разрыдалась.

– Принеси стакан воды, – сказала мне мама.

Я тут же принесла воду в бабушкином хрустальном бокале, изумлявшем всех своей красотой, но женщина даже не взглянула на бокал.

— Сделайте что-нибудь!.. Пожалуйста!.. — взмолилась она. — Муж мой умер в прошлом году... Вся семья на мне... Хотя бы Арам выучился, пошел работать...

Мамины брови взлетели так высоко, что казалось, никогда уже не опустятся.

— Свекровь и свекор тоже больные... Только на меня и надежда,.. — добавила женщина.

Наступила тягостная тишина.

— Может, мне с Арамом отдельно позаниматься... — в раздумье сказала мама.

Женщина тут же уловила перемену в ситуации.

— Да-да, конечно! Позанимайтесь, товарищ Арутюнян джан! — воскликнула она. — Сделайте что-нибудь! Умоляю вас!

— Обязательно позанимаюсь, — сказала мама более твердо, — и с завучем поговорю, хоть сама я совсем недавно в техникуме...

Я была свидетелем, как мучительно долго мама искала работу...

— Буду вам до гроба благодарна! — воодушевилась женщина. — А бозбаш — просто так... Ешьте на здоровье! Сама готовила, с мясом! Все, как положено!

Мама посмотрела на кошелку с таким удивлением, словно только что заметила.

“Бозбаш”, — подумала я. Ни в Москве, ни в Тбилиси я не ела бозбаш. И вообще нигде!

Я весело посмотрела на маму.

— Постараюсь помочь вам, — устало сказала мама, — но с условием: вы заберете, что принесли!

— Вай! Что вы! Что вы! — расстроилась женщина.

Я умоляюще смотрела на маму.

— Вы поняли меня? — жестко отрезала мама и встала.

Женщина засуетилась.

— Хорошо... хорошо... — пробормотала она. — Араму когда прийти?

— Сегодня воскресенье, я дома, — сказала мама и многозначительно посмотрела на кошелку.

Женщина послушно взяла кошелку, торопливо попрощалась и ушла. Но в комнате еще долго стоял запах бозбаша.

Я хотела спросить маму, почему она так поступила, но, заметив в ее глазах слезы, промолчала.

Мама, потирая глаза, сказала:

– Лук, который я сегодня резала, был такой острый! Столько времени прошло, а в глазах еще щиплет...

Но я ведь знала, что плачут не только от лука!

Õ¿ fE-E-« fl' EÿE -»-EÀE " " -E

Äîî äääíîî – èàè ääòñèäÿ èääííü
Dàéíáđ Ì àdèÿ Dèëüèá

Этой худенькой четырнадцатилетней девочке, Лусо, можно было дать от силы одиннадцать, и когда она по утрам, размахивая портфелем, спешила в школу, витрина единственного в селе магазина, построенного еще в советские годы, отражала не только ее нежное лицо, но и яркий румянец, не тускнеющий даже в те дни, когда в доме не из чего было сварить хотя бы постную похлебку. Никто из взрослых – ни отец, ни мать, ни бабушка – не мог найти работу, а из пятерых детей трое уже ходили в школу. Лусо была старшей, училась хорошо, но ведь и школьных расходов сколько! В этом месяце, например, магазинного долга у них набралось на двадцать одну тысячу четыреста пятьдесят драмов: двадцать тысяч за продукты, остальное – за тетради и ручки. Лусо мечтала, окончив девятый класс, продолжить учебу и стать врачом или хотя бы медсестрой, но отец возражал, мол, средств нет, и без того сидят в долгах! Да, двадцать одна тысяча четыреста пятьдесят драмов нешуточное дело!

Устроившись на ночь в своем закутке под нависшим скошенным потолком, девочка мечтала сделать родителям сюрприз: раздобыть откуда-нибудь эту баснословную сумму. Найти на дороге кошелек с деньгами ей не светило: каждый сельчанин тщательно хранил свои деньги. Получить в подарок такую

сумму было фантастикой. Но думать о сюрпризе ей нравилось. Особенно перед сном...

В этот вечер в закуток проникли слова соседки, вечно торчавшей у них. Лусо напряженно прислушалась.

— Вот бабке Шурке каждый месяц доллары присылают. Из Америки, из России, еще откуда-то. Везет же старой карге!

— Разве бабка Шурка старая карга? — проговорила, неслышно шевеля губами, Лусо. Но голос соседки вновь заполнил сознание девочки.

— Дом каменным забором оградили, новую машину купили. И корову... Мало им было трех!.. Еще и свинарник завели...

— Да, — откликнулась мать. — Богато живут!

Девочка вытянулась под стеганым, в голубой цветочек, одеялом, провела рукой по ситцевой ночнушке, под которой маленькими бугорочками проступали груди. Один бугорочек показался ей чуть больше и тверже другого.

— Может быть, у меня рак? — подумала Лусо, но тут же отвлеклась.

— А попробуй попросить у бабки Шурки в долг — умрет, не даст! Все плачется, плачется... — сказала соседка.

— Они всегда так, богатые. Чем богаче, тем больше плачутся! А нам, бедным, что остается? Смеяться!

И мать засмеялась, как показалось Лусо, слишком уж громко и звонко.

Они продолжали говорить, и все про бабку Шурку.

Лусо подумала: если у человека много денег, что ему стоит чуть-чуть помочь другому.

Кухонная дверь хлопнула — соседка ушла.

Воцарилась тишина.

Мягкий свет луны, покачиваясь, проник сквозь квадратное оконце в закуток, робко ошупал стену и замер. И в тот же миг на стене возник могучий гордый орел со сверкающим взором и белоснежным оперением. Белый орел распластал крылья, Лусо села ему на спину, и они устремились высоко в небо, откуда был виден весь мир...

Проснулась Лусо, когда за окном едва брезжил рассвет. Голова была ясная, и она твердо знала, что ей надо делать. Так было всегда: вечером задачка не получалась, а утром, еще в

постели, Лусо уже знала ее решение. Или станет учить наизусть, и вроде бы напрасно, разозлится, засунет учебник под подушку и уснет. А утром слово в слово все помнит! Да, учеба для нее – одно удовольствие! Только расходов много!

Лусо стала быстро одеваться. Она слышала, как от порывов ветра за окном содрогаются деревья. Ей стало зябко, но мысль по-прежнему была ясной, и она четко представляла, что ей следует делать.

Разноцветные лоскутки – отходы, которые бабушка приносила из швейной артели, где работала в советское время, лежали в шкафу. Оставалось только выбрать лоскуток потемнее да поплотнее, вырезать отверстия для глаз и рта, незаметно взять из кухни нож и отправиться к бабке Шурке – все как в кино или мультиках...

Послышались шаги, хлопнула кухонная дверь. Что-то в Лусо замерло, и лишь потом, когда отец, напившись воды, пошлепал обратно досыпать, медленно возобновило свой ход.

Ветер стих. По соседству хрипло лаяла дворняжка.

Лоскуток был темно-синий, плотный, руки Лусо ловкие. Готовую маску Лусо спрятала в портфель, на цыпочках пробралась в кухню, взяла первый попавшийся под руку нож и тоже положила в сумку. Все остальное ничем не отличалось от обычного хода дня: торопливо выпив чашку несладкого чая с ломтиком хлеба и схватив сумку, Лусо выбежала из дома.

На деревьях еще висело утро. Лусо шла быстро. Мягкие светло-каштановые косички колыхались в такт шагам, лицо было спокойным, и витрина магазина отразила ее яркий румянец.

– Привет! – окликнул Лусо старшеклассник Глеб, тайно влюбленный в нее.

Лусо тоже была тайно влюблена в Глеба, все больше из-за его орлиного взгляда и облика. Только тот орел, с которым Лусо устремлялась в небо и обозревала мир, был белоснежным, а Глеб – смуглым-пресмуглым, и волосы черные как смоль.

– Привет! – кивнула ему Лусо и беззаботно пробежала мимо.

Ее гибкая фигурка энергично взлетела на холмик, куда-то нырнула, вынырнула, замелькала между деревьями, исчезла. Лусо направлялась к дому бабки Шурки, всем своим видом демонстрируя невозможность...

Двухэтажный дом бабки Шурки был и в самом деле огражден каменной стеной. Ворота были заперты. Лусо обошла стену и обнаружила небольшой ров с разросшимся кустарником и раскидистым деревом. Прыгнув в ров, Лусо достала из сумки маску, спрятала на груди под платьем, нож тоже засунула за пазуху, портфель замаскировала в кустах, как проворная белка вскарабкалась на дерево, ухватилась за гибкую ветку, на секунду повисла над рвом и каким-то ей самой непонятным образом прыгнула во двор бабки Шурки.

Во дворе не было ни души. Оставалось только надежно замаскироваться. Но Лусо знала, как это сделать...

В маске и с ножом в руке Лусо постучала в дверь бабки Шурки, нетерпеливо нажала на кнопку звонка. Открыла дверь сама бабка Шурка и при виде темно-синей маски и ножа, сверкнувшего в бестрепетной руке девочки, остолбенела. Лусо мгновенно вошла в переднюю и перешла к нападению.

— Если ты дашь мне двадцать две тысячи, я тебя не трону!
— объявила она, угрожающе подняв нож. В ее нежном девичьем голосе зазвучали металлические нотки.

— Помогите! Убивают! Грабят! — неистово завопила бабка Шурка и кинулась в комнату, к открытому окну.

— Я тебя не трону, дай только деньги! — идя следом, сказала девочка.

— Грабят! Режут! Помогите! — вопила старуха. — Жулет! Жулет! — звала она на помощь невестку.

— Ну, хотя бы двадцать одну тысячу четыреста пятьдесят драмов, — пошла на уступку Лусо.

— Спасите! — продолжала еще громче вопить бабка Шурка.

На шум прибежал внук бабки Шурки, Саркис, его жена Жулет, еще кто-то...

Лусо кинулась бежать. Но куда? В дверях тоже толпились люди. Взлетев по винтовой лестнице вверх в спальню, Лусо, как юркая ласка, проскользнула под кровать, покрытую кружевной накидкой. Снизу доносились вопли бабки Шурки, кричали уже на винтовой лестнице, в спальне.

— Где она? Куда делась?

Саркис, заглянув наконец под кровать, взвизгнул:

— Вот она! Поймал! Помогите!

Схватив Лусо за ногу, он стал тащить ее.

Лусо сопротивлялась, как могла, но ее выволокли, отобрали кухонный нож, сорвали маску.

– Да это же Лусине, дочь Арута!

Вокруг Лусо образовался тесный круг из голов, рук, ног, выпученных глаз, орущих ртов... Лусо не чувствовала ни пощечин, ни плевков, ни ударов... Она знала только, что через эту стену ненависти ей не перелезть...

– Не бить! – перекрыл все голоса властный бас старосты села, Гаруша.

– В райцентр ее! В милицию! В тюрьму ее засадить надо! В тюрьму!

Староста Гаруш взял у Саркиса маску и нож и, крепко держа Лусо за руку, вывел ее, наконец, из дома бабки Шурки.

Машину вел сам староста Гаруш. Лусо застыла на заднем сиденье. Глаза ее были сухими, щеки горели, а душа плакала. Лусо хотела, очень хотела бы знать, как ее родители справятся с долгом.

Ехали они быстро.

Над машиной печально кружил ее верный друг – орел с гладким белоснежным оперением.

Следом за машиной Гаруша спешила другая – с бабушкой Шуркой, ее внуком Саркисом, невесткой Жулеть и соседом – свидетелем.

Все, что было вчера и позавчера, что было в недолгой жизни Лусо, свелось теперь к одной лишь мучившей ее сумме в двадцать одну тысячу четыреста пятьдесят драмов. Сумма эта объяла и то, что было вокруг нее и что открывалось на пути в райцентр.

Они ехали очень быстро.

Некоторое время спустя, сидя в милиции напротив следователя, Лусо писала: “На ваш следующий вопрос отвечаю: никто меня не заставлял грабить бабушку Шурку. Я ее и не думала убивать. Маска и нож были нужны, чтоб напугать ее. А то так просто она не дала бы ни копейки! Все богатые такие! Только я не знала, что, если у богатых попросить немного денег, они начнут кричать и звать на помощь...”